

УДК 94 (47) (084)

DOI 10.58649/1694-8033-2024-1(117)-207-213

АМАНЖОЛОВА Д.А.

РИА Орус тарыхы институту, Москва

АМАНЖОЛОВА Д.А.

Институт российской истории РАН, Москва

AMANZHOLOVA D.A.

Institute of Russian History of the RAS, Moscow

SPIN-КОД: 5525-3738, ORCID: 0009-0002-5650-6855

СОВЕТТИК ФЕДЕРАТИВДИН ҮЛГҮЛҮСҮ:

КАЛЫПТАНУУ ЖАНА ӨНҮГҮҮ МАСЕЛЕЛЕРИ

**СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ**

SOVIET FEDERATIVE MODEL: PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Кыскача мүнөздөмө: 1920-1930-жылдары СССРдин Федеративдик түзүлүшүнүн калыптанышынын негизги проблемаларына талдоо жүргүзүлгөн. Татаал структураланган социумдун этномаданий ар түрдүүлүгүн башкаруу инструменттерин иштеп чыгууга жана колдонууга таасир эткен борбор менен этносаясий элиталардын, СССРдин жана Кыргыз ССРинин курамындагы улуттук-мамлекеттик бирдиктердин лидерлеринин өз ара мамилелеринин өзгөчөлүктөрү жана маңызы мүнөздөлгөн. Кыргыз ССРинин жана СССРдин Федеративдик системасынын компоненттери катары Кыргызстан жана Якутия Федерациянын субъекттеринин статустарынын калыптанышынын жана трансформациясынын өзгөчөлүктөрүн, советтик этноулуттук саясаттын алкагында салттуу жалпылыктардын модернизмге өтүүсүнүн кыйла маанилүү татаалдыктарын жана карама-каршылыктарын аныктоого мүмкүндүк берет.

Аннотация: Осуществлен анализ основных проблем становления федеративного облика СССР в 1920-1930-е гг. Охарактеризованы специфика и существо взаимоотношений центра и этнополитических элит, лидеров национально-государственных единиц в составе СССР и РСФСР, которые влияли на выработку и применение инструментов управления этнокультурным разнообразием сложно структурированного социума. Киргизия и Якутия как компоненты федеративной системы РСФСР и СССР позволяют определить особенности становления и трансформации статусов субъектов федерации, наиболее значимые сложности и противоречия перехода традиционных общностей к модерности в рамках советской этнонациональной политики.

Abstract: The analysis of the main problems of the formation of the federal image of the USSR in the 1920-1930s is carried out. The specifics and essence of the relationship between the center and ethno-political elites, leaders of national-state units within the USSR and the RSFSR, which influenced the development and application of tools for managing the ethno-cultural diversity of a complex structured society, are characterized. Kyrgyzstan and Yakutia as components of the federal system of the RSFSR and the USSR allow us to determine the features of the formation and

transformation of the statuses of the subjects of the federation, the most significant difficulties and contradictions of the transition of traditional communities to modernity within the framework of Soviet ethno-national policy.

Негизги сөздөр: Советтик Социалисттик Республикалар Союзу; Россия Советтик Федеративдуу Социалисттик Республикасы; федерализм; улуттук саясат; этносаясий элита.

Ключевые слова: Союз Советских Социалистических Республик; Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика; федерализм; национальная политика; этнополитическая элита.

Keywords: Union of Soviet Socialist Republics; Russian Soviet Federative Socialist Republic; federalism; national politics; ethno-political elite.

Наиболее интенсивно советское федеративное строительство происходило в 1920-1930-е гг. Оно стало важнейшим инструментом политики национального самоопределения и конструирования современных наций в бывшей Российской империи. При этом классовый подход, являясь основой советского проекта, реализовался при наличии специфической этносоциальной структуры каждого народа страны, приобретавшего те или иные формы государственности – автономные районы, округа, области и республики, союзные республики. Особенно чувствительным к этой специфике оказался вопрос наполнения национальными кадрами органов власти и управления. Малочисленность образованных представителей этносообществ в раннесоветский период обусловила привлечение в сферу управления «носителей классово чуждых элементов».

Конструирование федеративного облика страны рассматривалось как средство «демонстрации советских принципов решения национально-колониального вопроса», и уже во внутренней политике, чтобы нейтрализовать «реакционное ... духовенство и кулачество» [1, л. 25]. Наиболее сложным оказалось устройство РСФСР. Это подтверждали и наблюдения партийных руководителей на местах. Секретарь Якутского губкома РКП(б) И.Н. Барахов, к примеру, сообщал в мае 1922 г., что здесь «даже разговоров быть не может о возможности построения чистой диктатуры пролетариата», которого у якутов нет, а основная масса населения лишь переходит от кочевого к оседлому образу жизни и резко враждебна социализму, к тому же воспитана «на чувствах узкого национального эгоизма, национальной обособленности и враждебности всякой угнетающей чужеземщине» [2, с.69-71].

В современной историографии утверждается понимание и признание активного участия местных элит в формировании не только границ разноуровневых субъектов советской федерации, но и проведении всей советской этнополитики, нациестроительстве и реализации модернизирующего советского проекта для всех народов СССР. Иерархическое устройство СССР и РСФСР не только усложнило управление культурно сложным обществом, но и вызвало немало противоречий во взаимоотношениях центра и этнополитических элит, а также внутриэтнических групповых конфликтов практически в каждом регионе. В 1920-1930-е гг. состоялся ряд специальных совещаний, заседаний, иных мероприятий по инициативе лидеров автономий РСФСР и представителей центра, на которых обсуждались вопросы разграничения полномочий, согласования прав и компетенций исполнительных органов власти, финансирования и распределения бюджетных средств при проведении социально-экономических и культурных мероприятий. Достаточно чувствительными были и проблемы определения границ в соседних регионах – губерниях,

областях, национально-государственных единицах. Решение этой задачи представляло значительную практическую трудность практически во всех случаях, поскольку и титульное население той или иной единицы, и представители других национальностей на территории будущей самоопределившейся автономии издавна проживали совместно. Как правило, этнополитическая элита, отстаивая присоединение того или иного участка, волости, уезда и пр., приводила аргументы в пользу национального самоопределения и численности той или другой этнической группы, классового подхода, международного значения, особенно при наличии государственной границы. Но не менее существенную роль играли обстоятельства, связанные с привязкой транспортной инфраструктуры, доходных предприятий, пахотных угодий или водных ресурсов и т.д., обеспечивающих жизнедеятельность субъекта федерации.

В той или иной мере все эти проблемы касались Киргизии и Якутии как автономий в составе РСФСР. Если для Киргизской АО, затем АССР (до 1936 г.) нациестроительство и политический статус были связаны со сложными противоречиями в многонациональном Среднеазиатском регионе (земельные, социальные, этноконфессиональные, внутриэтнические и др.) и последовательным повышением политического статуса вплоть до союзной республики в конце 1930-х гг., то в Якутии на определение границ повлияли отношения с соседними «ненациональными» краями и областями. Важное место занимала и проблема национальных меньшинств, самоопределение для которых также требовало институциональных и организационных мер, материально-технического и финансового обеспечения. В Киргизской АО в 1926 г. для нацменьшинств планировалось создать 12 волостей и 13 сельсоветов, а также отдельный район для русского населения (киргизы составляли 60% населения, русские – 20, узбеки – более 15, около 4 – различные меньшинства) [3, с.152]. Кадровый дефицит был типичным, и судьба М.К. Аммосова, работавшего в трех автономиях РСФСР, вполне отражает данный компонент советской модернизации, как и существо политики власти, нацеленной на интернационализацию системы управления, большевизацию этноэлит, поиск оптимальных инструментов укрепления государственности.

Судьба киргизской советской государственности тесно связана с историей размежевания в Средней Азии. Самоопределение народов огромного региона по общим лекалам советского нациестроительства было осуществлено в середине 1920-х гг. Четвертого июня 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) принял за основу предложения Средазбюро ЦК о национальном размежевании и образовании Узбекской и Туркменской ССР, входящих в состав СССР, автономной области «каракиргиз» (киргизов) и присоединении Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей с преимущественно казахским населением к Казахской АССР (до 1925 г. Киргизская). Двенадцатого июня Политбюро утвердило решение с поправками, в том числе о создании автономной области таджиков в составе Узбекской республики. Там же было решено оставить Ташкент в составе Узбекистана [2, с. 221-222; 4, с. 525-526]. В ноябре-декабре 1924 г. произошло фактическое оформление вновь созданных государственных единиц: Узбекской и Туркменской ССР, Таджикской АССР в составе Узбекской ССР, Кара-Киргизской (Киргизской) автономной области в составе РСФСР и Кара-Калпакской автономной области в составе Казахской АССР.

В целом исполнительные власти субъектов федерации из-за острого дефицита ресурсов в условиях ускоренной модернизации не получили ожидаемого расширения прав. Наркомат РКИ СССР в 1927 г. установил, что управленческие структуры автономий

излишне раздуты, нерационально организованы и дублируют структуру органов СССР и РСФСР. Енукидзе заявил: единообразие в районировании сразу же упрощает управление [2, с.531-534]. Показательно, что и национальные руководители выступали за оптимизацию управления, что могло не только облегчить их работу, но и способствовать большей социально-экономической консолидации субъектов федерации в единое целое. Так, глава СНК Киргизии Ю. Абдрахманов писал И.В. Сталину: «Мы являемся составной частью РСФСР», но «очутились в положении тройного —подданства» – органам РСФСР, Средней Азии и СССР. Одним из последствий такого сложного управления были не только ослабление связи с РСФСР, в составе которой находилась автономия, но и противоречия между конкурирующими проектами и требованиями Москвы и Ташкента. В итоге в апреле 1930 г. СНК СССР разрешил руководству Киргизской АССР обращаться непосредственно в союзные правительство и СТО [5, с.74-75, 77].

Между тем в самих автономиях малочисленная национальная интеллигенция пыталась продвинуть свои представления о «подлинном» самоопределении, понятием буквально в соответствии с официальными декларациями власти, начиная с 1917 г. В Якутии, в частности, в конце 1927 г. возникло так называемое движение «конфедералистов», вылившееся в отдельные вооруженные выступления. Пятимесячная борьба части якутской интеллигенции во главе с П.В. Ксенофонтовым за повышение статуса республики до союзной, подписание договора о вхождении в состав СССР, введение в Конституцию Якутской АССР положения об обособлении законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, предоставление Якутии права самостоятельно распоряжаться землями, недрами, водами, лесами на ее территории, не нашла единодушной поддержки даже в среде интеллигенции [6]. Да и объективных условий к обеспечению такого уровня самостоятельности у движения не было, а его поражение стало поводом для расправы с теми, кто гипотетически мог в будущем представлять оппозицию власти

Центр, тем не менее, должен был реагировать на проблемы в отношениях с автономиями. В 1928 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав автономных социалистических советских республик и областей и упрощении порядка прохождения дел, возбуждаемых ими в высших правительственных органах РСФСР». Так, ВСНХ СССР и союзных республик должны были максимально сокращать число предприятий на территории автономий в своем управлении. Госбюджет АССР включал средства по их необъединенным, объединенным наркоматам и учреждениям РСФСР в автономиях. Часть централизованных кредитов передавалась в их бюджет. Правительства АССР могли перераспределять штаты по ряду своих наркоматов, устанавливая и менять низовое административное деление. В Отделе национальностей ВЦИК создавались секции общая, земельная, культурная и нацменьшинств, а при Президиуме ВЦИК Комитет по делам национальностей. С Отделом национальностей согласовывались все ведомственные проекты, касающиеся автономий, вносимые во ВЦИК, СНК, ЭКОСО РСФСР [7, л. 5, 9-22]. Политбюро ЦК партии утвердило условия вхождения автономных республик в состав районированной области (края) на началах добровольности с правом выхода, незыблемости конституций АССР, их «культурно-хозяйственный рост и национальное развитие» в составе нового региона, единство хозяйственного плана края для входящей в него АССР, как и подчинение ее парторганизации соответствующей структуре края [8, л. 164]. В 1930 г. дотации в бюджете Карельской АССР составляли 61%, Чувашской АССР – 65%, Якутской АССР – 63% [9, с.24-25].

Нациестроительство для меньшинств реализовалось в каждой автономии на основе общегосударственного подхода. В Якутии с 1927/28 г. число туземных советов выросло с 27 до 99. Но реальное влияние их на социальную практику было невелико. ЦИК ЯАССР признавал в мае 1930 г., что «аппарат власти слаб, малограмотен, неопытен... Малокультурность населения,.. сохранившиеся в значительной степени старые социально-классовые отношения, родовые традиции – все это делает состояние Якутского севера чрезвычайно отсталым даже в отсталой Якутии» [10, с.10; 11, с.12]. Десятого декабря 1930 г. Президиум ВЦИК утвердил постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера». Предусматривалось создание ряда национальных округов и районов: в составе Якутской АССР – Анабарского, Булунского, Вилюйско-Мархинского, Тукуланского и Жиганского национальных районов. Создание округов и районов рассматривалось как способ установления рациональных экономических и этнических границ в соответствии с интересами хозяйственного развития и принципами национальной политики, а также для упразднения не учитывавших эти факторы границ бывшей империи. Кроме того, самостоятельные национальные единицы должны были по замыслу организаторов приблизить руководство к экономике и населению районов, обеспечить подъем самодеятельности туземцев, советизации округов через соответствующие учреждения и организации.

С принятием Конституции победившего социализма союзный статус приобрели Казахстан и Киргизия, входившие как автономные в состав РСФСР. В 1937 г. на основе специальных ходатайств Таджикская, Киргизская, Туркменская, Грузинская, Армянская, Азербайджанская и Узбекская союзные республики получили союзно-республиканские наркоматы легкой и пищевой промышленности, а также некоторые из них – совхозов и леса [12, с.211-212]. Титульные народы были представлены во всех структурах власти соответствующих субъектов федерации, причем процесс тщательно контролировался. В состав РСФСР к 1935 г. входили 10 автономных республик, 10 автономных областей, 10 автономных округов, созданных для коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока.

Интеграционный потенциал государственности, умноженный на многовековые традиции сожителства народов Евразии, воплощался на основе базовых установок власти. В 1930-е гг. на первый план вышла концепция «дружбы народов» и семьи народов со старшим братом – русским народом, предполагающая выстраивание национальных отношений на русской интегрирующей основе. Передовая статья «Правды» накануне X съезда ВЛКСМ объясняла новое качество понятия «семья» как многонародной советской общности: «Товарища Сталина миллионы любовно называют отцом народов. Это понятие отцовства приняло глубочайший смысл. Оно связано с всемирно-историческим явлением организации семьи народов, новых социальных отношений, новых чувств, которое во все прежние времена связывалось только с ограниченной узкородственной семейной ячейкой» [13]. Утверждение концепции «старшего брата» означало отход от прежнего проекта межэтнической интеграции за счет уступок со стороны русского большинства в пользу социально-экономического и культурного прогресса других народов, предоставления им ранее невиданных управленческих и статусных возможностей. За время между переписями 1926-1939 гг. доля русских в ряде национальных регионов резко выросла, прежде всего за счет индустриализации и рассеивания крестьян, не желавших вступать в колхозы, – отметил В.П. Попов. В Чечено-Ингушской АССР она увеличилась с 1,2-2,9% до 28,8%; Северо-

Осетинской АССР – с 6,6% до 37,2%; Якутской АССР – с 10,4% до 35,5%; Бурят-Монгольской АССР – с 52,7% до 72,1%; Киргизской ССР – с 1,7% до 20,8% [14, с.960].

Деятельность органов власти регулировалась и адаптировалась в соответствии с текущими задачами обеспечения устойчивости механизмов и структур управления в рамках принципиальных подходов в национальной политике, включавших поддержку самоопределения и государственного нациестроительства, спонсирование этнокультурных практик вместе со столь же востребованными мерами межэтнической интеграции и гражданской консолидации. Это подразумевало не только социокультурные, но и административные, правовые, экономические инструменты формирования советскости как воплощения культурной сложности общества в ее современной сущности. Она совмещала большевистскую интерпретацию западной идеологии с полиэтничной «начинкой» государственных институтов и социальных отношений. В этом отношении ключевую роль играли руководители автономий и другие представители правящего класса в каждой национально-государственной единице. Как убежденные сторонники идей социалистического прогресса, они выступали не только организаторами деятельности органов власти и управления, строительства социально-экономических объектов критической важности для каждой республики, но и посредниками во взаимодействии с органами управления РСФСР и СССР, активными участниками формирования федеративного облика СССР, укрепления советской государственности.

Особенно выпукло многогранную, кажущуюся мозаичной палитру советского нациестроительства представляет широкий политико-географический контекст, раскрывающий не только пестроту событийного ряда, но и вполне определенные общие черты и закономерности. Умножение локализованных хронологически и географически описаний и реконструкции событий, представленных в современной историографии, дает возможность выходить на обобщения, объясняющие исторические риски, адаптивные свойства и интегративные эффекты государственного устройства культурно сложного российского общества, его цивилизационный смысл и перспективы. Переплетение военно-политических, социально-экономических, культурных факторов в ходе федерализации и нациестроительства по-разному проявлялось и сказывалось в отдельных регионах, что не отменяет общей направленности, сходства управленческих приемов, моделей поведения этноэлит и результатов этнонациональной политики. Необходима комплексная оценка эффективности политического инструментария, который обеспечивал баланс между разнонаправленными тенденциями централизма (унитаризма) и федерализма, а также модернизацию традиционных культур и конструирование наций в условиях советской идеологизированности, динамику и специфику организационно-политических и социокультурных практик консолидации советского социума.

Список использованной литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 269.
2. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918-1933 гг. – Москва: РОССПЭН, 2005, 784 с.
3. III сессия ВЦИК XII созыва. Стенографический отчет. – Москва: Издание ВЦИК, 1926, 600 с.

4. Россия и Центральная Азия. Конец XIX - начало XX века: сборник документов и материалов / Сост. Д. А. Аманжолова, Т. Т. Далаева, Г. С. Султангалиева. – Москва: Изд-во «Новый хронограф», 2017, 591 с.
5. Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. – Фрунзе: Кыргызстан, 1991, 300 с.
6. Антонов Е.П., Антонов Е.П. Движение конфедералистов в Якутии 1927-1928 гг. // Сибирская Заимка. 2002, № 5. – Режим доступа: http://www.zaimka.ru/05.2002/antonov_rebel/ (дата обращения: 15.01.2018).
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фрунзе. 1235. Оп. 122. Д. 165. Л. 5, 9–22.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 22. Л. 164.
9. Чеботарева В.Г. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008, № 7, с. 3-25.
10. Глезер М. Пять лет советского строительства среди народов Севера // Власть Советов. 1930, № 27, с. 10.
11. Условия работы сельсоветов в автономных республиках и областях // Власть Советов. 1930, № 27, с.12.
12. ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933-1945 гг. – Москва: РОССПЭН, 2009, 1095 с.
13. Преданность и единство // Правда. 1936, № 102 (6708), 12 апреля.
14. Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932-1976 гг.) // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936-2016): Сб. науч. трудов. Т. III. – Екатеринбург, 2016, с. 955-962.